

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-151-189

Научная статья / Research paper

Е.И. Сафронова*

КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ДО И ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Дальнего Востока
Российской академии наук»
117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32*

В условиях глобализации международная экономика окончательно превратилась в арену прямого и опосредованного столкновения интересов различных государств, образовав пространство для реализации нового направления их внешнеполитической активности — экономической дипломатии. В центре внимания автора статьи — экономическая дипломатия КНР — страны, которая, превратившись во второй по значению центр мировой экономики, всё больше начинает осознавать свои возросшие возможности, демонстрировать напор и амбиции нового молодого лидера в системе международных отношений. В первой части статьи обозначены общие особенности и установки экономической дипломатии КНР. Во второй части подробно рассмотрены ключевые направления и конкретные механизмы реализации так называемой поощрительной экономической дипломатии. В этой связи автор обращает внимание на две тенденции: с одной стороны, отмечается стремление Китая максимально эффективно встроиться в уже существующие международные форматы и институты глобального экономического регулирования, с другой стороны, всё более отчетливо проявляется и готовность КНР брать инициативу в свои руки, выдвигать собственные амбициозные проекты. Яркой иллюстрацией последней тенденции могут служить учреждение в 2020 г. Фонда для инфраструктурных проектов и Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и, конечно же, мегапроект «Экономический пояс Шелкового

---

* Сафронова Елена Ильинична — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН) (e-mail: safronova@ifes-ras.ru).

пути и морского Шелкового пути XXI века». Как отмечает автор, поощрительная экономическая дипломатия является и важным инструментом укрепления «мягкосилового» потенциала КНР на международной арене, особенно в развивающихся странах. В то же время в статье показано, что в последние годы во внешней политике КНР всё более активно применяются и наступательные формы экономической дипломатии, прежде всего санкции. Рассмотрению этого направления на современном этапе посвящена третья часть статьи. Наконец, своеобразным моментом истины и одновременно серьезнейшим испытанием на прочность для всей внешней политики КНР стал международный кризис, порожденный пандемией SARS-CoV-2. В четвертой части статьи проанализированы новые вызовы, с которыми столкнулась экономическая дипломатия Китая в условиях пандемии. Эти вызовы носят как объективный (связанный с необходимостью оперативного восстановления собственной экономики и международных связей), так и субъективный характер. В последнем случае речь идет о крайне ожесточенном информационном противоборстве, развернувшемся в связи с пандемией между КНР и странами коллективного Запада во главе с США. Как отмечает автор, в этих условиях «антиковидная дипломатия» КНР приобрела достаточно агрессивный характер, что негативно отражается на и без того пошатнувшемся международном имидже страны. И всё же, хотя в настоящий момент китайская экономическая дипломатия демонстрирует тенденцию генерировать скорее негативные настроения как в развитых, так и в развивающихся странах, именно она при грамотном использовании может стать главным средством для утверждения КНР в качестве ведущего субъекта в рамках нового биполярного порядка.

Ключевые слова: Китай, экономическая дипломатия, пандемия SARS-CoV-2, санкции, глобальное экономическое управление, «мягкая сила», международные экономические отношения, «антиковидная дипломатия», «Один пояс — один путь», Фонд для инфраструктурных проектов, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, ВРЭП, новый мировой порядок.

Для цитирования: Сафронова Е.И. Китайская экономическая дипломатия до и во время пандемии COVID-19 // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 3. С. 151–189. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-151-189.

Elena I. Safronova

**CHINESE ECONOMIC DIPLOMACY
BEFORE AND DURING THE COVID-19 PANDEMIC**

*Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
32, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997*

The process of globalization has turned international economy into an arena of direct and indirect conflict of interests of various actors. It has also provided states with a new tool for their foreign policy activity — economic diplomacy. The paper focuses on the economic diplomacy of the People’s Republic of China, which not only has become the second important center of the world economy, but is starting to realize its increased capabilities, demonstrating ambitions of a new leader in international relations.

The first section outlines the main features of the PRC’s economic diplomacy. The second section focuses on the key areas and specific mechanisms of the so-called incentive economic diplomacy. In this regard, the author emphasizes two trends: on the one hand, China aims at effectively integrating into existing international formats and institutions of global economic governance, but, on the other hand, it shows willingness to take the lead and initiate its own ambitious projects. The Silk Road Fund and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) as well as the mega-project ‘The Silk Road Economic Belt and the 21st-century Maritime Silk Road’ are the most striking examples of the latter trend. Incentive economic diplomacy also serves as an important tool for strengthening the soft-power potential of the PRC in the international arena, especially in developing countries. At the same time, the author stresses that in recent years the PRC resorts more actively to the use of offensive forms of economic diplomacy, such as sanctions. This trend is examined in the third section of the paper.

The international crisis provoked by SARS-CoV-2 pandemic became a moment of truth and a stress test for the new foreign policy system of the PRC. The fourth section analyses new challenges faced by China’s economic diplomacy in the context of the pandemic. These challenges have both an objective (the need for quick national economic recovery) and subjective dimensions. The latter implies the wholesale information war as the PRC and the countries of the collective West led by the United States started playing blame game.

The author notes that, under these circumstances the PRC’s ‘COVID-19 diplomacy’ becomes more aggressive, which negatively affects the already tarnished national image. However, the author concludes, that although the current Chinese economic diplomacy generates rather negative sentiments in

both developed and developing countries, it is exactly economic diplomacy that could, if properly used, help the PRC to establish itself as a leading actor in the new bipolar world order.

Keywords: China, economic diplomacy, SARS-CoV-2 pandemic, sanctions, global economic governance, ‘soft power’, international economic relations, ‘COVID-19 diplomacy’, Belt and Road Initiative, Silk Road Fund, Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP, new world order.

About the author: *Elena I. Safronova* — PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: safronova@ifes-ras.ru).

For citation: Safronova E.I. 2021. Chinese economic diplomacy before and during the COVID-19 pandemic. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 151–189. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-151-189. (In Russ.)

Постановка вопроса

В научной и практической среде трактовка понятия «экономическая дипломатия» (ЭД) до сих пор остается предметом дискуссий. В мировой политологии (в политологическом дискурсе / сообществе политологов) под ЭД чаще всего понимают особое направление дипломатической работы международного актора, в котором хозяйственные проблемы двустороннего или многостороннего уровня используются в качестве объекта и средства давления (или сотрудничества) в международных отношениях. Однако сейчас в контексте рассмотрения проблематики ЭД всё большее внимание начинают уделять отношениям по линии государств и международных экономических структур, государств и транснациональных корпораций (ТНК), а также компаний между собой [Teixeira, José, 2013].

Автор полагает, что ЭД можно рассматривать как форму дипломатии, сосредоточенную на реализации политических и стратегических интересов страны экономическими методами. По сути, ЭД — это деятельность государства на мировой арене, основанная на максимально возможном и эффективном применении его сравнительных (конкурентных) хозяйственных преимуществ посредством невоенных, официально признанных методов для достижения заданных целей, включая обеспечение стратегической безопасности страны.

ЭД можно трактовать как действенное средство нивелирования в первую очередь тех угроз безопасности, которые имеют выражен-

ную социально-экономическую природу и подоплеку (терроризм, контрабанда наркотиков, инфекционные заболевания, нелегальная миграция, а также факторы, угрожающие окружающей среде, финансово-экономической безопасности субъекта международных отношений) [Сафронова, 2013: 143–144, 150; 2017: 111–113]. В этом же контексте ЭД можно расценивать как механизм увязки возможностей внешней хозяйственной среды с задачами национального развития, включая повышение уровня жизни населения и устранение бедности.

В компетенцию ведомств, занимающихся реализацией ЭД, входят такие задачи, как мониторинг стратегии экономических организаций, устанавливающих международные правила и стандарты (Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда, Всемирного банка), информирование своих правительств об экономической политике стран-партнеров, использование хозяйственных ресурсов или льгот для поощрения внешних контрагентов (поощрительная ЭД) или же наложения на них санкций (наступательная ЭД), изыскание источников и сфер приложения инвестиций, а также содействие «апгрейду» структуры и объемов внешней торговли. ЭД может реализовываться на двусторонней или многосторонней основе, например в межправительственных форматах типа БРИКС и ШОС.

В Китае под экономической дипломатией (*jingji waijiao*) понимают два направления международной деятельности страны: а) использование классической дипломатии для достижения целей и выгод экономического свойства; б) применение экономических рычагов для реализации внешнеполитических установок и задач [Ли Вэй, Сунь И, 2014].

Какой из этих двух аспектов важнее и где пролегает грань между ними, остается предметом дискуссии. На наш взгляд, примечательна позиция профессора Китайского университета иностранных дел (Вайцзяо сюэюань) Чжоу Юншэна, который считает необходимым отдавать приоритет мирохозяйственным аспектам государственной ЭД, а не политико-стратегическим. Исследователь полагает, что именно такой подход позволит максимально эффективно обеспечить экономическое развитие Китая¹.

---

¹ См.: Wong A. Chinese perspectives on economic diplomacy // The Asan Forum. Available at: <http://www.theasanforum.org/chinese-perspectives-on-economic-diplomacy> (accessed: 23.04.2021).

При этом можно отметить, что китайские исследователи в целом не склонны углубляться в высокую теорию ЭД, так как их больше интересует ее материальное наполнение (в геоэкономическом, геополитическом плане, в плане крупных международных проектов и внешнеэкономических связей). Это и понятно: бурное развитие экономики КНР диктует необходимость «переноса» ее хозяйственных запросов за рубеж. И ЭД в исполнении Китая — это прежде всего практический процесс, общие принципы, направления и методы которого, конечно, можно обобщить, придав им теоретическую форму. Но это всё-таки вторичная задача по сравнению с анализом материального наполнения ЭД КНР.

Именно в таком контексте представляется целесообразным рассматривать понятие «экономическая дипломатия», обращаясь к кейсу КНР. Это позволяет подчеркнуть и концептуальную, и практическую специфику ЭД Китая.

Обращение к кейсу КНР представляется особенно актуальным в настоящий момент — не только потому, что с ростом хозяйственных возможностей и международного авторитета Китая его ЭД приобретает качественно новое значение, становясь мощным инструментом продвижения национальных интересов. Пекин всё четче проявляет себя как второй по мощи мировой экономической центр, занимая особую нишу на глобальном конкурентном поле. Подъем КНР прямо или косвенно ставит под сомнение способность Соединенных Штатов сохранять за собой доминирующие позиции на мировой арене и, как следствие, актуализирует дискуссии о центросиловой конфигурации будущего мирового порядка: будет она биполярной или полицентричной и кто будет ее системообразующими субъектами. В этом контексте перед многими странами, включая Россию, стоит задача преодолеть множество политико-экономических вызовов и разрешить целый ряд проблем, включая обязательную интенсификацию и оптимизацию собственного экономического роста. На наш взгляд, изучение опыта Китая, который вышел на позиции лидера именно потому, что во многом реализовал задачу ускорения своего хозяйственного подъема, достигнув беспрецедентных успехов в кратчайший для мировой истории срок — всего лишь за 40 лет (с начала в 1980-х годах реформ и политики внешнеэкономической открытости), может оказаться в этом отношении особенно полезным. Китайская модель социально-экономического развития неизбежно проецируется на международный курс страны в форме

ее ЭД, и это еще одна причина целесообразности внимательного изучения данного явления.

Среди зарубежных исследователей ЭД Китая следует отметить таких специалистов, как Н. Бэйн, С. Уолкок [Bayne, Woolcock, 2011], А. Фучс [Fuchs, 2016], К. Дзянь [Jian, 2012], В. Мачикенайте [Macikenaite, 2020], Дж. Рейли [Reilly, 2012], Ян Яо [Yang, 2015], Лю Вэй [Лю Вэй, 2008], Ху Аньган, Ма Вэй, Янь Илун [Ху Аньган и др., 2014], Цао Линцюнь [Цао Линцюнь, 2003], Цзянь Цзисун [Цзянь Цзисун, 2007] и целый ряд других ученых, работы которых были использованы при написании данной статьи. Эти исследования отличаются скрупулезным описанием особенностей и трудностей, с которыми сталкивается китайская ЭД, однако им свойственна определенная тенденциозность, хотя есть и публикации, содержащие глубокий объективный анализ. Западные же специалисты, понятно, делают упор на критику ЭД Китая, активно используя при этом достаточно широкую статистическую и фактологическую базу.

К настоящему времени вопросы китайской ЭД рассматривались в работах и целого ряда российских исследователей. Наиболее интересные из них, на наш взгляд, принадлежат перу таких востоковедов, как Я.М. Бергер [Бергер, 2009], И.Н. Комиссина², Я.В. Лексютина [Лексютина, 2015], В.В. Михеев [Михеев, 2003], В.Я. Портяков³. В ряду исследователей ЭД Китая находятся и Л.М. Капица [Капица, 2010], А.А. Мардашев [Мардашев, 2009], Е.А. Соловьева [Соловьева, 2017], Р.И. Хазбулатов [Хазбулатов, 2019], А.В. Цвык [Цвык, 2013] и ряд других. Российские специалисты весьма основательно рассматривают общие характеристики, особенности, направления и результаты современной ЭД Китая, а также макросреду их формирования. Исследования этих ученых ценны своей методологической и фактологической базой и в целом — принадлежностью к школе российского/советского востоковедения, которая остается одной из лучших, если не лучшей в мире. Однако автор надеется, что настоящая статья способна дополнить характеристику ЭД КНР, поскольку написана с учетом последних тенденций, которые, как представляется, пока не нашли широкого освещения в научной литературе. Так,

---

² Комиссина И. О китайской «дипломатии экономического принуждения» // РИСИ. 20.08.2012. Available at: <https://riss.ru/article/3724/> (accessed: 23.04.2021).

³ Портяков В.Я. Пять столпов экономической дипломатии Пекина // Независимая газета. 29.11.2010. Доступ: https://www.ng.ru/courier/2010-11-29/9_china.html (дата обращения: 23.04.2021).

автором не найдено работ, посвященных эволюции ЭД Китая в условиях пандемии COVID-19, а также характеристике конкурентных преимуществ КНР как носителя и субъекта ЭД в данном контексте. Этим обстоятельством и обуславливается новизна настоящей статьи.

При ее написании автор ставил перед собой следующие задачи: проследить эволюцию ЭД КНР за последнее десятилетие, *уделив особое внимание соотношению наступательных и поощрительных средств*, в целом охарактеризовать инструментарий современной китайской ЭД, включая и то новое, что появилось в рамках арсенала «антиковидной дипломатии» страны, а также сделать краткий прогноз расстановки сил на мировой арене в свете обострения международной конкуренции и изменений во внешнеполитической линии КНР, вызванных пандемией COVID-19. При этом следует оговориться, что автор не будет специально останавливаться на ЭД Китая в отношении Российской Федерации, поскольку эта тема в силу своей специфики достойна отдельного рассмотрения. Украина также не входит в фокус исследования, так как, на наш взгляд, ЭД Пекина в данном случае пока имеет несформировавшийся, реактивный, *ad hoc* характер, обусловленный малой предсказуемостью для Китая внешнеэкономической политики действующих украинских властей.

Сравнительные преимущества Китая как субъекта экономической дипломатии⁴

В условиях глобализации, ужесточения внешней конкурентной среды, в том числе из-за пандемии SARS-CoV-2, вопрос об эффективном использовании собственных конкурентных преимуществ обретает особую актуальность для всякого международного актора.

К экономическим конкурентным преимуществам КНР можно отнести следующие обстоятельства.

1. Наличие государственной поддержки национальных производителей и коммерческих агентов, особенно в тех сферах, где интересы частного бизнеса и государства совпадают. Это благоприятствует внутринациональному взаимопониманию и, следовательно, экономической безопасности и стабильности страны.

2. Внимание к частному предпринимательству, действующему в нужных государству направлениях, что позволяет мобилизовать

---

⁴ В основу раздела легли результаты предшествующих исследований автора, в частности: [Сафронова, 2017].

более широкий круг ресурсов, крайне необходимых именно сейчас, в интересах колоссальных внешнеэкономических начинаний, включая инициативу «Один пояс — один путь» (ОПОП, или Инициатива Пояса и Пути, ИПП) и созданный в 2020 г. Фонд для инфраструктурных проектов. Государство в Китае держит в своих руках контрольный пакет акций практически всех ключевых предприятий с частным капиталом. Это создает дополнительные гарантии их деятельности за рубежом и страхует их самих и их партнеров от многих рисков экономического и неэкономического характера. Что касается лояльного среднего и мелкого бизнеса, то, поддерживая его, руководство КНР имеет возможность подключить и его потенциал к реализации внешнеэкономических интересов государства.

3. Практика выработки строго обязательных к исполнению правительственных документов, в которых поэтапно фиксируется государственная стратегия внешнеэкономических связей. Так, концепция ИПП была изложена в документе, подготовленном в 2015 г. Госкомитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР (документ издан с санкции Госсовета КНР) — «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века»⁵. Документальная база китайских международных проектов последовательно дополняется. Благодаря официальному закреплению своих внешнеэкономических намерений Китай обладает административным механизмом строгого контроля над выполнением правительственных установок.

4. Валютно-финансовая политика КНР, которая также предстает сравнительным преимуществом. Ее особенностью является оперативное реагирование на изменения во внутренней экономике и на мировых финансово-экономических рынках при неуклонной защите позиций национальной валюты, недопущении непредсказуемости ее котировок, совершенствовании системы формирования процентных ставок и механизма обменного курса юаня. Всё это направлено на снижение его зависимости от колебаний курса доллара, обеспечение устойчивости потребительских цен, экономическую стабильность.

---

⁵ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века // Официальный сайт МИД КНР. 28.03.2015. Доступ: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> (дата обращения: 23.04.2021).

5. И, наконец, сама величина валютно-финансовых ресурсов Китая, благодаря которой страна имеет возможность направлять инвестиции за рубеж, вести энергичную политику внешнего кредитования, параллельно обеспечивая техническую и монетарную поддержку и национальному бизнесу, и зарубежным партнерам, а главное — собственным внешнеэкономическим начинаниям [Сафронова, 2013: 150–151, 152].

Китайские официальные источники акцентируют внимание на трех особенностях ЭД Пекина. Это, во-первых, ее продвижение верхними эшелонами власти, когда в своих зарубежных поездках китайские лидеры выступают в роли «глашатаев» и активных проводников национальных экономических интересов. Во-вторых, направленность ЭД на учет интересов контрагентов. Китайское руководство с пониманием относится к стремлению других сторон реализовать собственную выгоду. Это совпадает с духом и буквой концепции «сообщества единой судьбы», которая стала главным лозунгом внешнеполитического курса страны. И, в-третьих, опора «дипломатии экономического назначения» на рыночную логику, когда именно равноправность рыночного обмена призвана создать возможность для получения выгоды иностранными партнерами и жителями других стран⁶ и тем самым укрепить международные позиции Китая.

Ключевые особенности поощрительной экономической дипломатии КНР в современных условиях

Практический инструментарий ЭД включает поощрение торговли, инвестирование, средства и механизмы кредитования, в том числе в валюте и/или на беспроцентной основе, помощь продовольствием, товарами жизненной необходимости и т.д. Всё это — механизмы поощрительной ЭД, реализуемые как в двустороннем, так и в многостороннем формате.

При этом введение экономических санкций, внешнеторговый протекционизм, сокращение или приостановка коммерческих операций и инвестирования, манипуляции с ввозными или вывозными пошлинами, квотирование экспорта и/или импорта, манипуляции

---

⁶ Китайская экономическая дипломатия направлена на соблюдение общих интересов Китая и мира // Жэньминь жибао online. 22.11.2013. Доступ: <http://russian.people.com.cn/31521/8463919.html> (дата обращения: 27.04.2021).

тарифами и валютным курсом, заморозка намеченных или уже реализуемых совместных проектов, отказ в предоставлении помощи и т.д. — рычаги наступательной ЭД, которая, что бы ни говорили, зачастую демонстрирует большую эффективность в мирохозяйственной жизни.

Умение плодотворно изыскивать сферы, адекватные уровни ЭД (глобальный, региональный и/или двусторонний), а также соотношение наступательной и поощрительной ее составляющих — это показатель качества классической дипломатии страны как таковой. Пекин традиционно стремится к преимущественному использованию стимулирующих механизмов без применения санкций как в двустороннем, так и в многостороннем формате. До недавнего времени это трактовалось как отличительное качество ЭД Китая, свойственное только ему⁷.

Генеральной (не продекларированной, а реальной) целью китайской ЭД в этой связи является обеспечение такого применения правил международных экономических отношений⁸, которое максимально отвечало бы задачам повышения конкурентоспособности и обеспечения стратегической безопасности Китая. Во имя достижения этой цели Пекин в рамках ЭД действует сразу по целому ряду направлений, среди которых: обеспечение контроля КНР над международными проектами с ее участием и/или под ее началом (включая крупные инициативы и специальные экономические зоны), защита китайских инвестиций и граждан, оказание экономической помощи «интересным» странам-партнерам, строительство инфраструктуры китайскими подрядчиками (в основном это государственные строительные компании), контроль капиталовложений с помощью китайских финансовых учреждений и т.д.

В этом отношении *участие КНР в глобальном экономическом управлении (ГЭУ)*⁹ можно также с полным основанием отнести к формам поощрительной ЭД страны. В данном контексте Пекин выступает апологетом мирового порядка, «основанного на международном праве, международной системе с ООН в качестве ядра и многостороннем торговом режиме с Всемирной торговой орга-

---

⁷ Wong A. Op. cit.

⁸ В сферах торговли, инвестиций, технологического обмена, обеспечения ресурсами, изыскания рынков и проч.

⁹ О сути ГЭУ подробнее см.: [Ближковский, Прантл, 2013].

низацией в качестве краугольного камня», а также совместного противостояния глобальным вызовам, с тем чтобы экономическая глобализация и глобальное управление обрели более открытый, инклюзивный, сбалансированный, справедливый, разумный и выгодный для всех характер¹⁰. В этой связи председатель КНР Си Цзиньпин говорит и о пользе сотрудничества между развивающимися странами (кооперация «Юг–Юг») и расширения их удельного веса в международных структурах. Всё это — вполне достойные цели.

Однако, на наш взгляд, пока деятельность Китая в ГЭУ ограничивается его представительством в международных организациях, участием высших китайских руководителей в крупных многосторонних встречах и озвучиванием предложений по решению глобальных проблем¹¹. Действенные, конкретные механизмы реформирования ГЭУ, тем более подходящие для всех, Пекин практически не предлагает. Это и понятно: сама его нацеленность на кардинальные реформы в международной жизни может быть подвергнута сомнению.

Однако такое положение может измениться. Если Китай предпримет реальные шаги по активизации своей работы в ГЭУ, то он получит возможность не только играть ощутимую роль в процессах глобального управления, но и контролировать мирохозяйственную повестку угодным ему образом, ускоряя или замедляя ход реформирования (или нереформирования) международного экономического порядка.

При этом КНР, превратившись во вторую экономику мира, уже сейчас демонстрирует лидерские амбиции: страна не просто присоединяется к сложившимся международно-экономическим структурам, а сама инициирует создание интернациональных объединений, намереваясь играть в них ведущую роль.

---

¹⁰ Serving the Country and Contributing to the World: China's Diplomacy in a Time of Unprecedented Global Changes and a Once-in-a-Century Pandemic. Address by H.E. Wang Yi State Councilor and Minister of Foreign Affairs at the Symposium on the International Situation and China's Foreign Relations in 2020 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 11.12.2020. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1839532.shtml (accessed: 23.04.2021).

¹¹ Например, в 2020 г. Китай заявил о своем намерении участвовать в многостороннем сотрудничестве по разработке правил глобального цифрового управления.

Новейшим достижением китайской ЭД, достойным особого упоминания, стало учреждение в 2020 г. Фонда для инфраструктурных проектов и Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП).

ВРЭП, учрежденное в ноябре 2020 г., объединило 15 стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), включая сам Китай и Японию (но без участия США и России). Будучи одним из ключевых инициаторов его создания, КНР, похоже, поставила перед собой политическую цель — хозяйственными средствами нейтрализовать попытки Вашингтона устранить Пекин из процессов формирования новой экономической архитектуры в АТР. Уникальность Соглашения о ВРЭП — не столько в его масштабах, сколько в том, что под знаменем защиты общих интересов оно впервые объединило Китай с Японией, Австралией, Новой Зеландией и Южной Кореей — близкими партнерами США. Видимо, Пекин пытается если не полностью переманить союзников Вашингтона по АТР, то нейтрализовать их явную (и взаимную) «симпатию» к Соединенным Штатам.

Участники данного коммерческого «пакта», охватывающего 2,2 млрд человек и страны с совокупным ВВП в 26,2 трлн долл., видят основными задачами снижение таможенных тарифов; совершенствование цепочек поставок благодаря унификации правил происхождения товаров; кодификацию новых правил электронной торговли и запрет требований об обязательной передаче технологий. Соглашение предусматривает совершенствование процедур таможенного администрирования, санитарных мер, движения капиталов и т.д.¹²

По мнению влиятельного агентства Reuters¹³, структура ВРЭП «запрограммирована» так, что партнерство в любом случае укрепит хозяйственный потенциал Китая в АТР, как бы ни развивались последующие события. Если так, то Пекин получит реальную возможность выстраивать торговые правила в регионе во многом по своему усмотрению. Не следует исключать и того, что, «замиряясь» под

---

¹² Крупнейшее торговое соглашение в мире подписали страны Азиатско-Тихоокеанского региона // Pattaya.Now. 15.11.2030. Доступ: <https://pattayapeople.ru/news/torgovlja-asean-pattaya-thailand> (дата обращения: 23.04.2021).

¹³ Николаенко С. Азиатские страны подписали соглашение о свободной торговле // Центральная служба новостей. 15.11.2020. Доступ: <https://csn-tv.ru/posts/id10322-aziatskie-strany-podpisali-krupnoe-soglashenie-o-svobodnoi-torgovle> (дата обращения: 23.04.2021).

сенью ВРЭП со своими региональными соперниками — Японией и Республикой Корея, Пекин задумывает привлечь их экономические возможности для восполнения потерь, спровоцированных торговой войной с США. Всё это станет большим успехом китайской ЭД.

В июле 2020 г. Министерство финансов КНР объявило о создании коллективного **Фонда для инфраструктурных проектов**. В рамках этой инициативы Китай, Венгрия, Египет, Камбоджа, Саудовская Аравия и Филиппины пришли к соглашению совместно передать в Фонд 180,2 млн долл. Старт созданию Фонда был дан Центром многостороннего сотрудничества по финансированию развития (Multilateral Cooperation Center for Development Finance, MCDF). Он представляет собой координационный механизм, в котором принимают участие Азиатский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Европейский банк реконструкции и развития, Европейский инвестиционный банк, Новый банк развития, Группа Всемирного банка, Межамериканский банк развития и Международный фонд сельскохозяйственного развития.

Согласно Меморандуму о взаимопонимании по вопросам создания MCDF, подписанному сторонами в марте 2019 г., основные задачи Фонда — стимулирование инвестиций в строительство высококачественной инфраструктуры в развивающихся странах с акцентом на обмене информацией, наращивании производственного потенциала и разработке совместных проектов. MCDF призван укрепить многочисленные глобальные, региональные и отраслевые инициативы, созданные в ответ на рост мировой потребности в связующей логистике. Он будет поддерживать реализацию принципов качественной инфраструктуры G20, Повестки дня ООН на период до 2030 года и ее Целей в области устойчивого развития, а также Парижского соглашения по климату. Определяя своим приоритетом сотрудничество с уже действующими механизмами, MCDF намерен внести позитивный вклад в создание мира с лучшей взаимосвязанностью, базирующейся на высококачественной и устойчивой инфраструктуре¹⁴. Это наиболее крупный в настоящее время пример инициирования Китаем многостороннего формата, нацеленного на осуществление программ международного развития. Причина запуска данного проекта достаточно очевидна: даже финансово успеш-

---

¹⁴ Multilateral Cooperation Center for Development Finance (MCDF). Available at: <https://www.themcdf.org/#introduction> (accessed: 23.04.2021).

ному Пекину не под силу реализовать в одиночку такое начинание, как ИПП, и иные проекты глобальной связи (*global connectivity*).

Действительно, современный этап развития ЭД КНР (последние 5–10 лет) ознаменован выдвиганием целого ряда крайне амбициозных проектов и инициатив, призванных повысить эффективность китайской внешней политики в условиях мирового кризиса (ныне усугубленного пандемией COVID-19) и расширения процессов глобализации.

В качестве не просто новейшего, но и мощнейшего инновационного инструмента и элемента поощрительной ЭД КНР логично рассматривать ее *мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века»* (ныне — ИПП), анонсированный в 2013 г. [Ху Аньган и др., 2014].

По утверждению Пекина, ИПП, а также тренд на формирование двусторонних и многосторонних зон свободной торговли четко свидетельствуют о стремлении КНР расширять «региональное сотрудничество и зоны добрососедства и дружбы»¹⁵. В то же время эта декларация, сделанная в обычной стилистике китайской дипломатии, тут же дополняется констатацией намерения обеспечить «мирное сосуществование нового и старого геоэкономических секторов» (!)¹⁶. И это уже интересно, ибо последнее утверждение говорит о замысле Китая сочетать новые проекты с опытом старой модели международного хозяйствования *без кардинального слома* последней.

Как и в случае с подходами Китая к проблемам глобального экономического регулирования, это говорит об осторожном отношении КНР к реформированию мирового экономического порядка: Пекин не хочет «отпугнуть» потенциальных партнеров своим натиском [Сафронова, 2017: 101]. И именно при сложившейся мировой экономической системе Китай стал тем, кто он есть сейчас. Мировой политико-экономический порядок, в свое время сформированный Западом (так называемая Бреттон-Вудская система), не только не помешал, но и по сей день дает возможность Китаю извлекать выгоды и дозировать возлагаемую на себя ответственность. Там, где КНР видит смысл вести себя как лидер, она так и поступает, а где ей

---

¹⁵ Яркая картина экономической дипломатии Китая // Геополитика. 20.12.2013. Доступ: <http://www.geopolitics.ru/2013/12/yarkaya-kartina-ekonomicheskoy-diplomatii-kitaya> (дата обращения: 23.04.2021).

¹⁶ Там же.

не хватает стимула и сил брать на себя ответственность за мировые дела, — там она вспоминает о своем статусе развивающейся страны. Прошли времена, когда Пекин видел большую пользу в революционных, а не эволюционных изменениях. Это и понятно: мир и так проходит полосу серьезнейших испытаний, и раскачивать глобальную «лодку» просто неразумно. Иногда создается впечатление, что единственно нужный Пекину вектор реформирования мирового порядка — это встраивание в него особого «гена», отвечающего за невосприимчивость к попыткам усиления сформированной США союзнической системы, нацеленной на сдерживание КНР.

В этом отношении ЭД Китая — еще один инструмент, с помощью которого страна может заявить о себе как о «влиятельной крупной державе»¹⁷. Не имея возможности, да и желания утверждать свое лидерство на мировой арене путем прямого силового давления (Китай не достиг уровня военно-стратегического потенциала, паритетного США), КНР педалирует тезис о взаимозависимости стран мира, которая и диктует необходимость взаимной выгоды в отношениях. Сейчас международные отношения в принципе вступают в эпоху, когда интенсивная стратегическая конкуренция сосуществует с глубокой экономической взаимозависимостью.

В контексте реализации ИПП инновационность ЭД Китая выражается в создании таких доселе невиданных практических механизмов, как АБИИ и Фонд Шелкового пути. Учреждение названных структур, а также ВРЭП и Фонда для инфраструктурных проектов, может свидетельствовать об усилении тенденции к многосторонности ЭД Китая, который ранее предпочитал (и во многом предпочитает до сих пор) развивать экономическое сотрудничество на двусторонней основе. Да, тенденция к многосторонности наблюдается, но больше в случае тех коллективных структур, которые были созданы при непосредственном участии КНР. Что касается интернациональных форматов, учрежденных Западом, то КНР не демонстрирует явной склонности к работе в их рамках.

---

¹⁷ Этот термин был употреблен в интервью председателя КНР Си Цзиньпина перед его первым государственным визитом в Казахстан. См. подробнее: Китай — крупнейший торговый партнер Казахстана, а Казахстан занимает второе место среди торговых партнеров Китая в регионе СНГ — Председатель КНР Си Цзиньпин // Kazinform. 03.09.2013. Доступ: http://www.inform.kz/ru/kitay-krupneyshiy-torgovyy-partner-kazahstana-a-kazahstan-zanimaet-vtoroe-mesto-sredi-torgovyh-partnerov-kitaya-v-regione-sng-predsdatel-krn-si-czin-pin_a2586319 (дата обращения: 23.04.2021).

Как бы то ни было, проявление тенденции к многосторонности в международных отношениях Китая можно объяснить тем, что энергичное вращение страны в ткань мировой экономики, помимо увеличения его хозяйственного веса, имеет и другое последствие — дальнейший рост зависимости национального хозяйства КНР от экономик других государств. Такова глобализация — объективный мировой процесс, начатый эпохой Великих географических открытий еще в XV–XVII вв. И что бы ни говорили эксперты, обнаружившие тенденцию к деглобализации, она, на наш взгляд, — лишь временное явление, усиленное кризисами последнего десятилетия.

Поощрительная ЭД как инструмент «мягкой силы». Специфика текущего этапа развития ЭД Китая, как представляется, заключается также в том, что в число ее задач вошла и санация международного имиджа КНР, особенно пошатнувшегося в связи с коронавирусной проблемой (см. далее). Эта задача традиционно увязывается с проблематикой «мягкой силы» и приобретает особое звучание для КНР, когда речь заходит о выстраивании отношений со странами глобального Юга.

Так, в латиноамериканской экспертной среде распространено мнение, что Китай благодаря своему бурному развитию, экономической мощи, массивному инвестированию и кредитованию зарубежных стран способен предоставить широкие возможности для бизнеса в развивающихся регионах¹⁸. Расширение экономических связей с КНР имеет и социальное измерение: китайские капиталовложения помогли возродить различные секторы экономики в ряде стран Латинской Америки [González, Constanza, 2017: 18]. Например, сотрудничество с Китаем стало ключевым фактором для Венесуэлы и Эквадора, поскольку китайские корпорации внесли существенный вклад в развитие добывающей промышленности — ведущей экономической отрасли этих стран. В случае Бразилии показательным примером поощрительной ЭД являются многомиллиардные капи-

---

¹⁸ Araujo H., Cardenal H.P. Latinoamérica mira a China. Pekín ha recorrido la región anunciando inversiones a bombo y platillo // El País. 26.04.2015. Available at: http://elpais.com/elpais/2015/05/26/opinion/1432653248_643966.html (accessed: 23.04.2021); González P. El poder blando de China y sus expresiones en América Latina // Asiared Internet portal. 2015. Available at: http://www.asiared.com/es/downloads2/15_3-s_alejandra_pena.pdf (accessed: 23.04.2021).

таловложения в разведку бразильской подсолевой нефти¹⁹. Банк Китая, имеющий свое представительство в этой стране, обеспечивает благоприятный климат для двусторонней торговли и деятельности компаний-партнеров. В развивающемся мире полагают, что партнерство с Китаем играет «стратегическую роль» и в таких сферах, как телекоммуникации (китайские компании Huawei и ZTE являются ведущими провайдерами и создателями телекоммуникационной инфраструктуры) и логистика (China Shipping, China Overseas Shipping и Hutchison Whampoa начинают играть «жизненно важную роль» [González, Constanza, 2017: 18] во внешней торговле Латинской Америки). Во всех этих начинаниях экономические интересы идут рука об руку с имиджевыми соображениями, служа укреплению потенциала «мягкой силы» КНР в развивающихся странах.

Отличительной чертой ЭД Китая в этой связи можно назвать также особое внимание к установлению и укреплению прямых контактов высших китайских руководителей и лидеров стран-партнеров (практика частых взаимных визитов и прямого общения глав государств и правительств даже получила название «дипломатия лидеров»). Это обстоятельство расценивается и как доказательство доминирования экономических мотивов в международной повестке Китая [Fuchs, 2016: 5]. И действительно, визиты китайских руководителей всегда имеют сильную экономическую мотивацию. В состав делегаций высокого и высшего уровней входят представители бизнес-кругов; на международных встречах руководители КНР регулярно анонсируют намерение оказать помощь другим субъектам МО, во время визитов заключаются многочисленные экономические соглашения.

Еще одним важным политическим, экономико-дипломатическим и «мягкосиловым» инструментом ЭД Китая является *помощь развитию*²⁰ [Luo, Zhang, 2009].

По данным Center for Global Development, КНР еще в начале текущего века стала основным источником иностранной помощи для

---

¹⁹ Soft power da China no Brasil — China Link Blog de Importação // ChinaLink. Available at: <https://www.chinalinktrading.com/blog/soft-power-da-china-no-brasil> (accessed: 23.04.2021).

²⁰ Jiang T. Railroad diplomacy: Chinese soft power in the Horn of Africa // Journal of International Relations. Blogs. 13.11.2016. Available at: <http://www.sirjournal.org/blogs/2016/11/13/railroad-diplomacy-chinese-soft-power-in-the-horn-of-africa> (accessed: 23.04.2021).

стран Азии, Латинской Америки и Африки²¹. При этом имеется в виду не «официальная помощь развитию» (ОПР), оказываемая по линии Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР), а все виды содействия, трактуемые как «помощь». Это инвестиции, техническое сотрудничество, финансирование проектов и персонала, льготные таможенные тарифы, ссуды, а также льготные кредиты целевого(!) назначения, реструктуризация задолженности и проч.

Китай оказывал немалую безвозмездную помощь Африке и Латинской Америке в 1960-х годах, чтобы утвердиться там в качестве ведущей социалистической державы, в 1970-х годах — чтобы получить поддержку развивающихся стран в признании законного представительства КНР в ООН. А с 1980-х годов (с началом реформ и внешнеэкономической открытости) и вплоть до сегодняшнего дня помощь оказывается с учетом материальных потребностей Пекина по принципу ее «обмена» на сырье, углеводороды и лучшие торгово-экономические условия. За свое экономическое содействие КНР ожидает от стран-контрагентов проведения политики «одного Китая», игнорирования попыток Японии получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН и вообще широкой поддержки позиций КНР на международной арене.

Что касается ОПР, то Китай сравнительно недавно вошел в эту сферу и пока не накопил достаточного опыта. Согласно данным КСР ОЭСР, объем китайской ОПР невелик по сравнению с суммами от «традиционных доноров» и демонстрирует тенденцию к снижению²². Это обстоятельство имеет несколько объяснений. Как представляется, прежде всего оно обусловлено тем, что основная часть помощи развитию, направляемой Китаем, не соответствует критериям определения ОПР, принятым в ОЭСР: она выделяется на реализацию конкретных проектов, которые в первую очередь интересны самой КНР. К тому же основным источником ОПР яв-

---

²¹ Lancaster C. The Chinese aid system // Center for Global Development. 27.06.2007. Available at: https://www.cgdev.org/sites/default/files/13953_file_Chinese_aid.pdf (accessed: 23.04.2021).

²² Robertson W., Benabdallah L. China pledged to invest \$60 Billion in Africa. Here's what that means // The Washington Post. 07.07.2016. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/01/07/china-pledged-to-invest-60-billion-in-africa-heres-what-that-means/?utm_term=.c44f520b9779 (accessed: 23.04.2021).

ляется правительство Китая, т.е. имиджевая привлекательность страны зиждется на многомиллиардных пакетах инвестиций и иных средствах, выделяемых китайскими властями, которые единолично определяют адресатов и объемы финансового содействия. В то же время США, также реализующие крупные программы помощи, привлекают к процессам ее оказания и корпоративные, и частные каналы. И похоже, что американцы четче отслеживают прохождение помощи, не позволяя ей оседать в карманах местных чиновников.

Китайская финансовая помощь имеет и другие особенности. Например, она зачастую является неотъемлемой частью объемного пакета капиталовложений и торговых сделок. И стоимость китайской рабочей силы, реализующей проекты ОПР, порой тоже засчитывается в качестве помощи.

Еще один вектор китайской ЭД — это *гуманитарная помощь*. В большинстве случаев она предоставляется Китаем на цели преодоления последствий природных бедствий и чрезвычайных ситуаций, нося экстренный характер. Она оказывается по двусторонним каналам и, как правило, на безвозмездной основе [Кашин и др., 2017: 213].

Помимо этого гуманитарная помощь включает содействие в сфере образования и подготовки кадров. Ныне Китай направляет миллионы долларов на финансирование образовательных проектов для зарубежной молодежи, обмен студентами и преподавателями.

Правительство КНР предоставляет зарубежным студентам благоприятные условия обучения, включая стипендии или бесплатное образование среднего технического уровня. Стоимость бытовых услуг и проживания в общежитии значительно ниже, чем в странах Запада. Знание китайского языка позволяет выпускникам надеяться на получение работы в заморских филиалах крупных китайских компаний. Международный рейтинг китайских университетов растет. И всё это — немаловажные причины, по которым Китай стал третьим по значению направлением иностранных студенческих потоков после США и Великобритании [Сафронова, 2018: 261; Sall, 2016].

Китай намерен дать старт и совсем новой образовательной инициативе — подготовке иностранных кадров для инновационных аспектов ИПП. Так, на Форуме «Один пояс — один путь» 2017 г. Си Цзиньпин заявил, что до 2022 г. Пекин пригласит 2500 молодых зарубежных ученых совершить целевые поездки в КНР, предоставит

обучение 5000 иностранных ученых, инженеров и управленцев и создаст 50 совместных исследовательских лабораторий²³.

Однако в целом очевидно, что сейчас сфера экономики — лишь инструмент для достижения политических и стратегических целей КНР. Если раньше, только начав свои масштабные хозяйственные реформы (конец 1970-х — начало 1980-х годов), ЭД Китая была призвана в первую очередь содействовать подъему внутреннего хозяйства, то в настоящий момент, когда страна достигла потенциала, достаточного для международной «экспансии», ее ЭД, как и в первые 25 лет после провозглашения КНР, опять становится инструментом китайских внешнеполитических решений, но на качественно ином уровне.

Наступательные формы экономической дипломатии КНР

В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в последнее время Пекин всё чаще прибегает к экономическому давлению как инструменту реализации своих целей, что, к слову, вступает в явное противоречие с отмеченной выше задачей добиться укрепления международного имиджа КНР.

Наиболее весомой формой наступательной ЭД любого государства являются экономические санкции в отношении «несговорчивых» партнеров. В 1980–1990-х годах Китай не поддерживал использование рестриктивных мер на международном уровне, аргументируя свою позицию необходимостью соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела других стран. При голосовании по соответствующим резолюциям Совета Безопасности ООН Пекин, будучи его постоянным членом, предпочитал воздерживаться. При этом он и не ветоировал подобные резолюции, по сути, вообще не участвуя в принятии такого рода решений на многостороннем уровне. Однако с начала XXI в. эта позиция стала постепенно меняться: в СБ ООН КНР наложила вето на ввод экономических санкций в отношении Мьянмы (2007), Зимбабве (2008) и с 2011 г. — на ряд резолюций по Сирии. Вместе с тем в 2006 г. Китай поддержал экономические санкции против Пхеньяна. Ранее Пекин даже под серьезным международным давлением сопротивлялся введению

---

²³ Си Цзиньпин цзай «и дай — и лу» луньянья фабьяо чжучжи яньцян (цзунь-вень) [Си Цзиньпин выступил на форуме «Один пояс — один путь» с программной речью (полный текст)] // Finance.Ifeng. 14.05.2017. Доступ: http://finance.ifeng.com/a/20170514/15373505_0.shtml (дата обращения: 23.04.2021).

этих санкций, утверждая, что они ударят по уровню жизни простого населения [Jian, 2012; Macikenaite, 2020: 118], а также опасаясь падения правящего режима в КНДР, дружественного Пекину.

Поддержка Китаем резолюции № 1718 СБ ООН о введении экономических рестрикций против КНДР стала принципиальным свидетельством изменения его позиции по санкционным вопросам. В 2013, 2016 и 2017 гг. характер международных санкций в отношении Северной Кореи постепенно эволюционировал от «простого» эмбарго на поставки оружия до финансовых, инвестиционных и торговых ограничений (в импорте северокорейского угля и в экспорте в КНДР нефти, нефтепродуктов и сырой нефти). Ужесточение позиции Пекина в отношениях с Пхеньяном можно объяснить несостыковками взглядов сторон на возможные размеры китайской финансовой поддержки КНДР, непредсказуемостью поведения Северной Кореи в формате шестисторонних переговоров по проблеме денуклеаризации Корейского полуострова, а также внутрикитайскими политическими разногласиями по поводу интенсивности взаимодействия с Пхеньяном. По-видимому, часть китайского руководства, усматривавшего больший смысл в расширении сотрудничества с Западом, «продавила» решение о более сдержанном курсе в отношениях с режимом-«изгоем»²⁴.

В 2010 г. Китай поддержал резолюцию СБ ООН о введении санкций против Ирана. 9 июня 2010 г. сайт информагентства BBC процитировал высказывание представителя КНР в ООН Чжан Есуя о том, что санкции направлены только на предотвращение распространения ядерного оружия и не нанесут ущерба «нормальной жизни иранского народа»²⁵. С этим не согласились ряд стран, а Бразилия и Турция решительно заявили об антигуманном характере вводимых рестрикций.

Целесообразно привести данные, сведенные международным экспертом В. Мачикенайте [Macikenaite, 2020: 120] и несколько дополненные автором, иллюстрирующие санкционную активность Китая в 1978–2021 гг. (таблица).

Из таблицы видно, что если с 1978 по 2007 г. санкции налагались Китаем только четыре раза, то после они применялись им не менее 15 раз.

---

²⁴ С 2018 г. отношения между Китаем и Северной Кореей вновь пошли «на поправку», и сейчас КНР вернулась к более умеренному подходу по антисеверокорейской санкционной политике [Macikenaite, 2020: 119].

²⁵ UN votes for new sanctions on Iran over nuclear issue // BBC. 09.06.2010. Available at: <https://www.bbc.com/news/10276276> (accessed: 23.04.2021).

**Китайские односторонние санкции,
введенные в отношении стран-контрагентов в 1978–2021 гг.**

List of unilateral sanctions imposed by the PRC (1978–2021)

Год	Страна-«мишень»	Причина введения санкций	Содержание санкций
1978	Вьетнам	Ввод вьетнамских войск в Кампучию	Прекращение всей экономической и технической помощи, отзыв из Вьетнама инженерно-технического персонала
1978–1983	Албания	Антикитайская риторика	Прекращение всей экономической и технической помощи
1992–1994	Франция	Продажа вооружений Тайваню	Замораживание импорта из Франции
2003	Северная Корея	Вопросы ядерной безопасности	Кратковременное прекращение поставок трубопроводной нефти с целью побудить Пхеньян присоединиться к первому раунду Шестисторонних переговоров по вопросам безопасности на Корейском полуострове
2007, 2008	Вьетнам	Вопросы суверенитета	Угрозы санкций в отношении British Petroleum и ExxonMobil, если эти ТНК не прекратят совместную деятельность с вьетнамской стороной на спорной территории в Южно-Китайском море по разведке и добыче полезных ископаемых. Под угрозой разрыва всех контактов с КНР ExxonMobil и British Petroleum уступили требованиям Пекина
2009	Франция	Объявленная встреча президента Н. Саркози с Далай-ламой	Требование отложить саммит «ЕС–Китай». Был отложен и саммит «Франция–Китай». Отмена заказа на 150 самолетов Airbus; отмена визитов во Францию двух китайских торговых делегаций

Год	Страна-«мишень»	Причина введения санкций	Содержание санкций
2010	США	Военные поставки Тайваню	Угроза санкций в отношении производителей поставляемого вооружения
2010	Япония	Арест капитана рыболовецкого судна близ островов Сенкаку (Дяоюйдао)	Заморозка китайского экспорта редкоземельных элементов
2010	Норвегия	Ущемление суверенитета КНР (присуждение Нобелевской премии мира китайскому диссиденту — писателю Лю Сяобо)	Отмена визита китайской правительственной делегации по обсуждению вопросов торговли, ограничение импорта норвежского лосося
2012	Великобритания	Вопрос национального суверенитета (встреча премьер-министра Всемирного банка с Далай-ламой)	Приостановка выполнения инвестиционных контрактов
2012–2016	Филиппины	Территориальный спор в Южно-Китайском море (риф Скарборо (Хуаньянь))	Жесткие карантинные меры при импорте филиппинских фруктов; отмена туристических поездов
2013	Литва	Вопрос национального суверенитета (встреча президента Литвы с Далай-ламой)	Приостановка торговых связей на 18 месяцев
2016	Монголия	Вопрос национального суверенитета (визит в страну Далай-ламы)	Временное закрытие пограничного перехода между Китаем и Монголией
2016–2017	Южная Корея	Вопросы безопасности (развертывание ТНААД — Terminal High Altitude Area Defense — противоракетного комплекса подвижного наземного базирования для высотного заатмосферного перехвата ракет средней дальности)	Прекращение туристических визитов в Южную Корею, задержка товаров при прохождении таможни, закрытие в Китае 87 из 99 магазинов южнокорейской Lotte Group

Год	Страна-«мишень»	Причина введения санкций	Содержание санкций
2019 (дважды)	США	Проблемы «торговой войны» Поставка вооружений Тайваню	Угроза занесения в «черный список» нелояльных Пекину контрагентов Конкретные санкции в отношении производителей поставляемого вооружения
2020	Австралия	Призыв к международному сообществу провести независимое расследование происхождения коронавируса	Предупреждение о возможных потребительских бойкотах; введение Китаем 80% тарифа на ввоз австралийского ячменя и вина, серьезное ограничение импорта австралийской говядины; замораживание импорта австралийского угля; предупреждение китайских студентов о рисках обучения в Австралии во время пандемии
2021	США	Эскалация «торговой войны»	Угроза ограничения поставок редкоземельных элементов

Источник: составлено автором на основе [Macikenaite, 2020: 120].

Source: compiled by the author on the basis of [Macikenaite, 2020: 120].

Для обоснования в глазах мировой общественности своей наступательной ЭД Пекин усилил поиск юридических и этико-идеологических основ односторонних санкций. Если сначала он осуждал подобные действия как негуманное наказание невинного населения, хотя сам прибегал к так называемым умным санкциям — мерам, направленным только против властей критикуемой им страны (например, в случае КНДР в 2006 г.)²⁶, то постепенно китайские политологи пришли к выводу о несостоятельности ар-

²⁶ Санкции, примененные против ТНК British Petroleum и ExxonMobil в 2008 г., являются ярким примером так называемых умных санкций, не затрагивающих напрямую интересы рядового населения. British Petroleum, ExxonMobil, американские компании-поставщики вооружений и т.д., не особо озабоченные соображениями политического или идеологического свойства, но более — собственным материальным благополучием, быстро реагируют на требования Пекина.

гумента, что «экономические санкции приводят к гуманитарной катастрофе» [Лю Вэй, 2008: 32]. И более того: «По мере того как Китай усиливает свое международное экономическое влияние, ему следует расширить применение односторонних экономических санкций в целях защиты своих законных международных интересов и достижения собственных внешнеполитических целей <...>. Для того чтобы полностью и эффективно использовать этот внешнеполитический и правовой инструмент [односторонние санкции. — *Е.С.*], Китаю следует также принять поддерживающие его внутренние законы и нормативные акты» [Reilly, 2012: 122; Цзянь Цзисун, 2007: 87].

Всё более активное применение Пекином санкций как экономической меры принудительного характера объясняется несколькими причинами.

Во-первых, это эффективность методов принуждения в том случае, когда от партнеров требуется быстрый пересмотр их политики и/или когда фактор экономической заинтересованности дает сбой (не всегда и не все страны можно «задобрить» льготами и денежно-материальными стимулами).

Во-вторых, стремление явственно показать свое недовольство по конкретному поводу, чтобы побудить контрагента оперативно пересмотреть его поведение и/или не повторять неугодных действий впредь.

В-третьих, «воспитательный» характер санкций, демонстрация с их помощью другим странам, каковы могут быть негативные последствия действий, неугодных Китаю.

В-четвертых, воздействие на общественное мнение внутри страны — демонстрация готовности руководства КНР пойти на решительные меры в деле защиты государственных интересов. Это тем более важно для поддержания имиджа власти как защитника национального достоинства сейчас, когда националистические настроения в Китае растут²⁷ [Лексютина, 2015: 32].

---

²⁷ Бергер Я.М. Национализм и внешняя политика КНР // Российский совет по международным делам. 29.12.2014. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/natsionalizm-i-vneshnyaya-politika-kr/> (дата обращения: 27.04.2021).

Влияние пандемии COVID-19 на экономическую дипломатию КНР

Новым глобальным вызовом, реакция на который со стороны КНР особенно ярко высветила современные особенности ЭД страны, стала, конечно, пандемия SARS-Cov-2. В контексте проблематики ЭД одной из первых мер помощи в борьбе с пандемией было заявление китайского руководства о готовности освободить ряд государств (в основном африканских) от выплат по беспроцентным государственным займам, срок погашения которых истекал в конце 2020 г. Пекин объявил о намерении работать с мировым сообществом по вопросам дальнейшей приостановки выплат по долгам, а также предоставлять медицинские материалы, командировать в Африку группы экспертов, содействовать закупкам медицинских товаров и проч. Си Цзиньпин заявил, что Китай будет сотрудничать с Черным континентом в деле реализации инициативы в области здравоохранения, принятой на саммите «Китай–Африка» в Пекине (2018), и пообещал, что африканские страны станут одними из первых, кто сможет извлечь пользу от вакцины против COVID-19, разрабатываемой в КНР²⁸.

Особо примечателен тезис Си Цзиньпина о том, что Китай призывает свои финансовые учреждения отреагировать на Инициативу по приостановке обслуживания долга G20 (DSSI)²⁹ и «провести дружественные консультации» со странами-должниками «в соответствии с рыночными принципами» для выработки механизмов коммерческих займов под суверенные гарантии³⁰. В итоге, по утверждению китайской стороны, КНР ответила на все просьбы по приостановке обслуживания долга в рамках DSSI, заняв первое место среди членов G20 по сумме отсроченных выплат³¹.

---

²⁸ Xi Jinping's speech at Extraordinary China-Africa Summit on Solidarity against COVID-19 (Full text) // Global Times. 17.06.2020. Available at: <https://www.globaltimes.cn/content/1191977.shtml> (accessed: 23.04.2021). См. также: Weekly African Business News Roundup // African Business Magazine (London). 20.06.2020. Available at: <https://africanbusinessmagazine.com> (accessed: 09.08.2020).

²⁹ В апреле Комитет по развитию Всемирного банка и министры финансов G20 одобрили Debt Service Suspension Initiative (DSSI) (Инициативу о приостановке обслуживания долга), чтобы помочь беднейшим странам справиться с серьезными последствиями COVID-19.

³⁰ Xi Jinping's speech at Extraordinary China-Africa Summit...

³¹ Serving the Country and Contributing to the World...

Акцент на рыночных началах при управлении проблемой задолженности выглядит симптоматичным: похоже, что процесс урегулирования Китаем долгов развивающихся стран идет путем длительных переговоров по их реструктуризации и рефинансированию под государственные гарантии. «Простое», полное списание долгов достаточно редко практикуется Пекином. «Китай — негибкий кредитор»³². Он предпочитает решать вопросы задолженности в двустороннем формате, вне рамок соответствующих международных структур. Это видится Пекину более эффективным, быстрым и благоприятным решением: на двустороннем уровне ему легче проводить собственные условия. Поэтому можно сказать, что здесь ЭД Китая проходит особо деликатное испытание.

Пандемия не могла не сказаться и на реализации ИПП. По причине коронавирусного кризиса цены на полезные ископаемые, добываемые в Африке (и не только там), резко упали, и на Китай стали оказывать беспрецедентное давление (не только африканские, но и западные государства) с целью побудить его списать десятки миллиардов долларов долгов, дабы облегчить бедственное положение стран, особо зависимых от торговли сырьем. К тому же жесткое обращение на китайской территории с африканскими иммигрантами во время пандемии (так называемый Гуаньчжоуский инцидент)³³ вызвало беспрецедентные дипломатические осложнения, эхо которых слышно до сих пор.

В итоге власти Нигерии и Танзании даже поставили под сомнение легитимность некоторых китайских проектов, реализуемых на территории этих стран в рамках ИПП [Сафронова, 2020: 40]. В Нигерии несколько депутатов представили местному парламенту специальный документ о жестоком обращении и «расовой дискриминации»

---

³² Caslin O. Coronavirus: How China plans to restore its image in Africa // The Africa Report. 20.04.2020. Available at: <https://www.theafricareport.com/26426/coronavirus-how-china-plans-to-restore-its-image-in-africa> (accessed: 23.04.2021).

³³ Местные китайские власти сочли африканское направление ведущим источником завоза случаев COVID-19 извне: 76% всех заболевших иностранцев в Гуанчжоу были африканцами. Их насильно выселяли из нанятых жилищ и даже подвергали принудительной изоляции. См. также: Thomas D. China-Africa relations enter new era as easy money dries up // African Business. 25.07.2020. Available at: <https://africanbusinessmagazine.com/region/china/china-africa-relations-enter-new-era-as-easy-money-dries-up> (accessed: 23.04.2021).

в отношении нигерийцев в Китае, который также направлен на ужесточение регулирования статуса китайских граждан в стране [Julienne, 2020: 5].

Несмотря на это, Пекин настаивает на том, что ИПП в условиях коронакризиса демонстрирует немалую жизнеспособность: так, за первые 8 месяцев 2020 г. товарооборот Китая с партнерами по данному проекту достиг 5,86 трлн юаней [примерно 840 млрд долл. — *Е.С.*], и китайские компании направили в эти государства на 30% больше нефинансовых прямых инвестиций, чем в предыдущем году. Кроме того, страны-участницы договорились работать над созданием Шелкового пути здоровья (другой перевод — Медицинский Шелковый путь), добавляя еще один блок к возводимому зданию ИПП³⁴. По утверждению Си Цзиньпина, китайские компании уже запустили совместное производство антиковидных вакцин на территории стран — партнеров по проекту, в том числе в Индонезии, Бразилии, ОАЭ, Малайзии, Пакистане и Турции³⁵.

Так или иначе, уже сейчас можно говорить о появлении нового направления во внешнеполитическом курсе Китая — «антиковидной дипломатии». Она опирается на материальные, экономические и финансовые ресурсы, и потому ее можно отнести к разновидности ЭД.

КНР достаточно оперативно приступила к ее реализации. Уже к концу апреля 2020 г. она направила в 80 стран мира медицинские товары общей стоимостью 1,33 млрд евро (3,86 млрд масок, 37,5 млн средств индивидуальной защиты (СИЗ) и их элементов и 16 тыс. аппаратов искусственной вентиляции легких)³⁶. Причем китайский частный капитал, в отличие от предыдущих лет, активно включился в эту работу. Так, на Африканский континент большая часть помощи была направлена не по правительственной линии (17%), а от частных лиц и бизнес-сообщества (порядка 50%) [Сафронова, 2020: 40].

По словам министра иностранных дел КНР Ван И, к концу 2020 г. китайская сторона организовала более 100 максимально открытых

---

³⁴ *Serving the Country and Contributing to the World...*

³⁵ Полный текст программной речи председателя КНР Си Цзиньпина на церемонии открытия ежегодного совещания Боаоского азиатского форума — 2021 // Синьхуа Новости. 20.04.2021. Доступ: http://russian.news.cn/2021-04/20/c_139894347.htm (дата обращения: 23.04.2021).

³⁶ Caslin O. *Op cit.*

экспертных видеоконференций для обмена знаниями с другими странами. Основав доступный для всех стран онлайн-центр, где рассказывается об опыте Китая в борьбе с COVID-19, Пекин опубликовал восемь версий диагностических и терапевтических решений и семь версий протоколов профилактики и контроля заболевания.

К началу 2021 г. была оказана помощь более 150 странам и 9 международным организациям. Китай откомандировал 36 медицинских бригад в 34 особо нуждающиеся в антиковидной помощи страны и поставил более 200 млрд масок, 2 млрд защитных костюмов и 800 млн тестовых комплектов. В связи с пандемией Китай призвал к укреплению глобального управления общественным здравоохранением для совместного создания глобального сообщества здравоохранения³⁷.

Несмотря на успехи внутренней борьбы Китая с инфекцией и его попытки финансовыми и торговыми средствами поправить свой международный имидж, «антиковидная дипломатия» КНР сталкивается с целым рядом серьезных вызовов.

Так, Пекин активно транслирует мировому сообществу мысль о своем абсолютном успехе в борьбе с пандемией, обвиняя Запад в неэффективном управлении коронакризисом. Прокитайские СМИ полны сообщений о том, что пандемия толкает страны Запада к упадку и хаосу, в то время как КНР быстрее всех крупных международных игроков оправляется от ее последствий и поэтому сможет взять контроль над мировой ситуацией в свои руки. И это-де станет отличительной чертой так называемого постковидного мира, которая нравится далеко не всем. США и их союзники в свою очередь обвиняют КНР в утаивании информации об эпидемии на начальных этапах ее возникновения, приуменьшении ее опасности, в частности сокрытии истинного числа пострадавших, в оказании давления на Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) и даже в искусственном создании самого возбудителя. В силу этого обострения информационного противоборства логично ожидать усиления мер, направленных на «сдерживание» Китая на мировой арене.

Коронавирусный кризис бросает мировому сообществу два основных вызова. Во-первых, проверку проходит способность государств

---

³⁷ Serving the Country and Contributing to the World...

эффективно мобилизовать систему здравоохранения для локализации заболевания и лечения пострадавших (в этой сфере Китай добился несомненного успеха благодаря оперативному управлению ситуацией, включая непопулярные, но действенные меры в отношении населения и иммигрантов). Во-вторых, перед государствами встает задача максимально нивелировать последствия кризиса в социально-экономическом, политическом, дипломатическом и других аспектах. И именно этот второй вызов становится наиболее релевантным для оценки развития мировой ситуации и роли в ней Китая в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе [Julienne, 2020: 1].

В свете второго вызова Китаю важно быстро восстановить свой производственный и внешнеторговый потенциал, чтобы предотвратить массированные потери от сокращения внешнеэкономических связей. Пекин сыграл ключевую роль в поставках в Европу несложных, при этом важных товаров медицинского назначения (главным образом СИЗ), а также товаров широкого потребления. В итоге западные страны оказались в еще большей зависимости от импорта из Поднебесной, поэтому иностранные контрагенты, до сих пор полагавшиеся на китайскую промышленную базу, рынок и цепочки поставок, задумываются о переносе инвестиций и жизненно важных производств из Китая в государства Юго-Восточной Азии, Северной Африки или Европы.

Существуют и другие обстоятельства, не благоприятствующие положению КНР в постковидном мире. Так, высказывается мнение, что пандемия усугубила дефицит международного доверия к Китаю, ибо Пекин ярко продемонстрировал так называемую дипломатию «воина-волка»: китайские дипломаты, защищая позиции КНР, стали массово прибегать к конфронтационной, если не агрессивной манере высказываний в СМИ и социальных сетях, чего не было еще 2–3 года назад.

Кроме того, хотя Китай и продолжает позиционировать себя в качестве ответственной державы, помогающей многим странам мира, он по-прежнему неохотно участвует в многосторонних структурах по борьбе с инфекцией. Например, в мае 2020 г. прошел Саммит глобального реагирования на коронавирус (Coronavirus Global Response Summit). Более 50 глав государств, правительств и

международных организаций приняли участие в онлайн-мероприятии, направленном на сбор средств на разработку антиковидных вакцин. Вместо премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, который должен был участвовать во встрече, Китай направил своего посла в ЕС Чжан Мина, оказавшегося на саммите чиновником самого низкого ранга. Посол не озвучил никаких финансовых обещаний Глобальному реагированию на коронавирус, но подчеркнул, что Китай предпринял собственные усилия для борьбы с инфекцией, например создал специальный правительственный фонд объемом 2 млрд юаней (260 млн евро), инвестировал 1 млрд юаней (130 млн евро) в соответствующие национальные исследования, а также пожертвовал 50 млн долл. ВОЗ. Для сравнения, Германия обязалась выделить 525 млн евро, а Франция — 500 млн евро в дополнение к 1,2 млрд евро, предоставленным инициативе «COVID-19 — Health in common» Французским агентством развития [Julienne, 2020: 3, 4]. Поскольку ни США, ни Россия не участвовали во встрече, Пекин мог воспользоваться возможностью официально «застолбить» свои ведущие позиции в антикоронавирусном сотрудничестве, но предпочел этого не делать.

Есть претензии и к тому, что Китай, претендуя на роль бескорыстного донора, просто торгует антиковидной помощью, поставляя при этом не всегда качественные товары [Roy, 2020: 2].

Имиджу КНР наносит ущерб и рост антикитайских настроений на фоне того, что многие страны — не только США, государства ЕС, Великобритания и Австралия, но даже Иран — настаивают на проведении независимого расследования причин вспышки новой коронавирусной инфекции. 18 мая 2020 г. более 120 государств (примерно 2/3 стран — членов ВОЗ) поддержали это предложение [Julienne, 2020: 4] (среди них была и Россия, но «досталось» от Китая только странам коллективного Запада).

И, наконец, китайские дипломаты, увлекшись в коронавирусных условиях напористой риторикой, не всегда демонстрировали высокое искусство связей с общественностью. В Африке они оказались под огнем жесткой критики после уже упоминавшегося Гуанчжоуского инцидента (апрель 2020 г.). По мнению специалистов, в том числе китайских, глобальные антикитайские настроения, подстегнутые

коронакризисом, достигли самого высокого уровня со времен событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. [Julienne, 2020: 5].

* * *

Подводя итог, можно сказать, что в настоящий момент в рамках активизации своей ЭД Китай задействует всю сеть и весь потенциал классической дипломатии. Если ранее КНР использовала санкции в основном из соображений государственного престижа («тайваньская» и «тибетская» проблемы, нежелательные контакты с Далай-ламой (см. таблицу) и др.), то сейчас перечень оснований для их применения расширяется. В поведении страны четко прослеживается игра экономическими «мускулами» молодого мирового лидера. Потенциальная выгода от финансовой поддержки со стороны КНР и возможность доступа на ее обширный рынок — вот факторы, которые обуславливают эффективность всей китайской дипломатии как в наступательном, так и в поощрительном ключе.

Новое звучание дипломатии КНР придает и статус «ответственной крупной мировой державы», принятый Пекином сравнительно недавно. Китайская дипломатия переходит от дэнсяопиновского принципа *таогуан янхуэй* (скрывать свои возможности и держаться в тени) к «инициативной и предприимчивой» модели; от дипломатии «с оглядкой» на великие державы к дипломатии собственно великой державы. В свете этого наблюдения становится понятно, почему переход к наступательной ЭД стал для Китая не просто возможным, но даже желательным. Пекин, хотя и озабочен своим международным имиджем, всё же демонстрирует значительную независимость от мирового общественного мнения, особенно в его западном сегменте. Что касается развивающегося мира, то здесь Китай более деликатен: он дорожит своим обликом дружественной развивающейся страны, братской для других представителей развивающегося мира. Это и понятно: страны глобального Юга не так часто, как западные государства, имеют силы и возможности противостоять интересам КНР. К тому же именно в развивающемся мире Китай может в полной мере быть не ведомым, а ведущим, что льстит Пекину.

Можно согласиться с мнением, что в реалиях КНР, в отличие от некоторых западных рыночных экономик, ЭД в чистом виде не существует. Это объясняется тесной привязкой хозяйственной и коммерческой деятельности внутри страны (а особенно — за рубежом) к потребностям ее государственной политики. Понятно, что вся китайская внешнеэкономическая деятельность призвана «работать» на модернизацию самой КНР.

Легальная торгово-экономическая активность Китая всегда обслуживает его политические интересы, что полностью соответствует логике «социалистической рыночной экономики» и принципу руководящей роли партийно-идеологических институтов.

Ныне мир проходит этап «смены руководства» — транзита через стадию неустойчивого полицентризма от одного состава «флагманов» биполярности к другому. Во времена перемен особенно важно занимать контролирующие позиции в международных отношениях. КНР, пока не способная составлять конкуренцию Западу в военно-стратегической сфере, ищет новые пути повышения своей мировой роли. И одним из механизмов этого она видит ЭД. Удачное задействование этого инструмента поможет Китаю преодолеть точку бифуркации в нужном ему направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М.: ИД Форум, 2009.
2. Ближковский П., Прантл Й. Глобальное экономическое управление: какие проблемы стоят перед Азией и Европой? // Век глобализации. 2013. № 1. С. 41–46.
3. Капица Л.М. Экономическая дипломатия в условиях глобализации: Учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2010.
4. Кашин В.Б., Королев А.С., Пятачкова А.С. Китайская политика по мощи зарубежным странам: основные принципы и направления // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. С. 204–218.
5. Лексютин Я. Экономическая дипломатия Китая в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 24–37.
6. Ли Вэй, Сунь И. Лицzie Чжунго цзинци вайцзю [Анализируя экономическую дипломатию Китая] // Вайцзю пинлунь. 2014. № 4. С. 1–24. (На кит. яз.)

7. Лю Вэй. Гоцзи цзинци чжицай синьтэдянь цзи вого иньгай дуйцэлэю [Новые характеристики международных экономических санкций и меры, которые должна принять наша страна] // Шанву цзинци яньцзю. 2008. № 28. (На кит. яз.)

8. Мардашев А.А. Эффективность, способы и методы китайской экономической дипломатии // Мировое и национальное хозяйство. 2009. № 3–4. С. 15–29.

9. Михеев В.В. Глобализация экономики Китая. М.: Форум, 2003.

10. Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). М.: Форум, 2018.

11. Сафронова Е.И. Особенности китайско-африканских отношений во время пандемии // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 5. С. 30–44. DOI: 10.31857/S013128120012442-7.

12. Сафронова Е.И. Экономическая дипломатия Китая в Северо-Восточной Азии как фактор безопасности ШОС // Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС / Отв. ред. С.Г. Лузянин. М.: Весь мир, 2017. С. 96–115.

13. Сафронова Е.И. Экономическая дипломатия Китая и стратегическая безопасность в АТР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. № 18. С. 143–157.

14. Соловьева Е.А. Роль экономической дипломатии в китайской парадигме влияния на международные отношения // Университетские чтения. ПГУ, 2017. С. 234–239.

15. Хазбулатов Р.И. Экономическая дипломатия: В 2 ч. М.: Юрайт, 2018–2019.

16. Ху Аньган, Ма Вэй, Янь Илун. «Сычоу чжи лу цзинци дай»: чжаньлюэ нэйхань, динвэй хэ шисянь луцзин [«Экономический пояс Шелкового пути»: стратегическое содержание, место и пути осуществления] // Цюйюй юй чэнши цзинци. 2014. № 5. С. 3–13. (На кит. яз.)

17. Цао Линцюнь. Гуаньюй Чжунго цзюцзюэ цзяжу Баокоцитуань де сикао [Размышления об отказе Китая присоединиться к G8] // Шаньтоу дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэхуэйкэсюэ бань). 2003. Т. 3. С. 10–16. (На кит. яз.)

18. Цвык А.В. Экономическая дипломатия Китая: основные черты // Региональная экономика и управление. 2013. № 1 (33). С. 21–31.

19. Цзянь Цзисун. Гуаньюй дань бянь цзинци чжицайде сифасин юй хэфасинь таньсо [Исследования вопроса о юридических и правовых аспектах односторонних экономических санкций] // Фасюэ. 2007. № 1. (На кит. яз.)

20. Bayne N., Woolcock S. The new economic diplomacy: Decision-making and negotiation in international economic relations. Farnham-Burlington: Ashgate Publishing Ltd., 2011.

21. Fuchs A. China's economic diplomacy and the politics-trade nexus // Discussion Paper Series. University of Heidelberg. 2016. № 609. P. 1–25.

22. González C., Constanza M. Cuba: Puente entre China y América Latina // Revista Asia América Latina. 2017. № 3. P. 11–31.

23. Heath T.R. China's evolving approach to economic diplomacy // Asia Policy. 2016. № 22. P. 157–191. DOI: 10.1353/asp.2016.0020.

24. Jian C. Is China an emerging sanctioning state? 2012. Available at: https://www.researchgate.net/publication/282298631_Is_China_an_Emerging_Sanctioning_State (accessed: 23.04.2021).

25. Julienne M. Economy and diplomacy: China's two challenges in the post-COVID-19 world // Lettre du Centre Asie. 2020. № 82. P. 1–6.

26. Luo J., Zhang X. China's African policy and its soft power // AntePodium. Victoria University of Wellington, 2009.

27. Macikenaite V. China's economic statecraft: The use of economic power in an interdependent world // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2020. № 2. P. 108–126. DOI: 10.1080/24761028.2020.1848381.

28. Reilly J. China's unilateral sanctions // The Washington Quarterly. 2012. № 4 (35). P. 121–133. DOI: 10.1080/0163660X.2012.726428.

29. Roy D. China's pandemic diplomacy. Analysis from the East-West Center // Asia Pacific Issues. 2020. № 144. P. 1–8.

30. Sall O. Chinese soft power in Africa: Case of Senegal // Open Journal of Social Sciences. 2016. № 4. P. 133–142. DOI: 10.4236/jss.2016.411011.

31. Teixeira F., José P. A diplomacia económica num mundo multicêntrico // Percursos & Ideias. 2013. № 5. P. 14–21.

32. Yang Y. China's approach to economic diplomacy // America, China and the struggle for world order / Ed. by G.J. Ikenberry, W. Jisi, Z. Feng. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 161–186.

REFERENCES

1. Berger Ya.M. 2009. *Ekonomicheskaya strategiya Kitaya* [Economic strategy of China]. Moscow, Forum Publ. (In Russ.)

2. Blizhkovskii P., Prantl J. 2013. Global'noe ekonomicheskoe upravlenie: kakie problemy stoyat pered Aziei i Evropoi? [Global economic governance: What problems do Asia and Europe face?]. *Vek globalizatsii*, vol. 11, no. 1, pp. 41–46. (In Russ.)

3. Kapitsa L.M. 2009. *Ekonomicheskaya diplomatiya v usloviyakh globalizatsii* [Economic diplomacy in the context of globalization]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

4. Kashin V.B., Korolev A.S., Pyatachkova A.S. 2017. Kitaiskaya politika pomoshchi zarubezhnyim stranam: osnovnye printsipy i napravleniya [Chinese foreign aid policy: Basic principles and directions]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*, no. 22, pp. 204–218. (In Russ.)

5. Leksyutina Ya. 2015. Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya v XXI veke [Economic diplomacy of China in the XXI century]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 2, pp. 24–37. (In Russ.)

6. Li Wei, Xun Yi. 2014. Litszie Chzhungo tszintszi vaitszyao [Understanding economic diplomacy of China]. *Waijiao Pinglun*, no. 4, pp. 1–24. (In Chinese.)

7. Liu Wei. 2008. Guoji jingji zhicai xintedian ji woguo yingai duicelue [New characteristics of international economic sanctions, and the countermeasures our country should take]. *Shangwu Jingji Yanjiu*, no. 28. (In Chinese.)

8. Mardashev A.A. 2009. Ehfektivnost', sposoby i metody kitaiskoi ekonomicheskoi diplomatii [Effectiveness, ways and methods of Chinese economic diplomacy]. *Mirovye i natsional'noe khozyaistvo*, no. 3–4, pp. 15–29. (In Russ.)

9. Mikheev V.V. 2003. *Globalizatsiya ekonomiki Kitaya* [The globalization of China's economy]. Moscow, Forum Publ. (In Russ.)

10. Safronova E.I. 2018. *Kitai i razvivayushchiysya mir: kontseptsii i aktual'naya praktika otnoshenii* [China and the developing world: Concepts and actual practice of relations]. Moscow, Forum Publ. (In Russ.)

11. Safronova E.I. 2020. Osobennosti kitaisko-afrikanskikh otnoshenii vo vremya pandemii [Features of Chinese-African relations during the pandemic]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 5, pp. 30–44. DOI: 10.31857/S013128120012442-7. (In Russ.)

12. Safronova E.I. 2017. Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya v Severo-Vostochnoi Azii kak faktor bezopasnosti ShOS [China's economic diplomacy in Northeast Asia as a security factor of the SCO]. In: Luzyanin S.G. (ed.). *Problemy obespecheniya bezopasnosti na prostranstve ShOS* [Ensuring security in the SCO region]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 96–115. (In Russ.)

13. Safronova E.I. 2013. Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya i strategicheskaya bezopasnost' v ATR [Economic diplomacy of China and strategic security in the Asia-Pacific]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*, no. 18, pp. 143–157. (In Russ.)

14. Solov'eva E.A. 2017. Rol' ekonomicheskoi diplomatii v kitaiskoi paradigme vliyaniya na mezhdunarodnye otnosheniya [The role of economic diplomacy in the Chinese paradigm of influence on international relations]. *Universitetskie chteniya. PGU*, pp. 234–239. (In Russ.)

15. Khazbulatov R.I. 2018–2019. *Ekonomicheskaya diplomatiya* [Economic diplomacy]. Moscow, Yurait Publ. (In Russ.)

16. Hu Angang, Ma Wei, Yan Yilong. 2014. ‘Sichou zhi lu jingji dai’: zhanlue neihan, dingwei he shixian lujing [‘The Silk Road Economic Belt’: Strategic significance, role and ways of implementation]. *Quyuy yu chengshi jingji*, no. 5, pp. 3–13. (In Chinese.)

17. Cao Lingjun. 2003. Guanyu Zhongguo jujue jiaru Baoguojituan de sikao [Thoughts on China’s refusal to join the G8]. *Shantou Daxue Xuebao (renwen shehuikexue ban)*, vol. 3, pp. 10–16. (In Chinese.)

18. Tsvyk A.V. 2013. Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya: osnovnye cherty [Economic diplomacy of the PRC: Main features]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie*, vol. 33, no. 1, pp. 21–31. (In Russ.)

19. Jian Jisong. 2007. Guanyu danbian jingji zhicai de ‘sifaxing’ yu ‘hefaxin’ tansuo’ [Investigation into the judicial and legal aspects of unilateral sanctions]. *Faxue*, no. 1. (In Chinese.)

20. Bayne N., Woolcock S. 2011. *The new economic diplomacy: Decision-making and negotiation in international economic relations*. Farnham-Burlington, Ashgate Publishing.

21. Fuchs A. 2016. China’s economic diplomacy and the politics-trade nexus. *Discussion Paper Series University of Heidelberg*, no. 609, pp. 1–25.

22. González C., Constanza M. 2017. Cuba: Puente entre China y América Latina. *Revista Asia América Latina*, no. 3, pp. 11–31.

23. Heath T.R. 2016. China’s evolving approach to economic diplomacy. *Asia Policy*, no. 22, pp. 157–191. DOI: 10.1353/asp.2016.0020.

24. Jian C. 2012. Is China an emerging sanctioning state? *Research Gate Internet Portal*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/282298631_Is_China_an_Emerging_Sanctioning_State (accessed: 23.04.2021).

25. Julienne M. 2020. Economy and diplomacy: China’s two challenges in the post-COVID-19 world. *Lettre du Centre Asie*, no. 82, pp. 1–6.

26. Luo J., Zhang X. 2009. China’s African policy and its soft power. *Ante-Podium*. Victoria University of Wellington.

27. Macikenaite V. 2020. China’s economic statecraft: The use of economic power in an interdependent world. *Journal of Contemporary East Asia Studies*, no. 2, pp. 108–126. DOI: 10.1080/24761028.2020.1848381.

28. Reilly J. 2012. China’s unilateral sanctions. *The Washington Quarterly*, vol. 35, no. 4, pp. 121–133. DOI: 10.1080/0163660X.2012.726428.

29. Roy D. 2020. China’s pandemic diplomacy. Analysis from the East-West Center. *Asia Pacific Issues*, no. 144, pp. 1–8.

30. Sall O. 2016. Chinese soft power in Africa: Case of Senegal. *Open Journal of Social Sciences*, no. 4, pp. 133–142. DOI: 10.4236/jss.2016.411011.

31. Teixeira F., José P. 2013. A diplomacia económica num mundo multicêntrico. *Percursos & Ideias*, no. 5, pp. 14–21.

32. Yang Y. 2015. China's approach to economic diplomacy. In: Ikenberry G.J., Jisi W., Feng Z. (eds.). *America, China, and the struggle for world order*. New York, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137508317_7.

Статья поступила в редакцию 25.04.2021; одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 22.09.2021.

The paper was submitted 25.04.2021; approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 22.09.2021.